

Кун Цин почувствовала, как сердце забилося в бешеном ритме. Она поспешила вперед, чтобы разглядеть, кто же там лежит.

Грязные короткие волосы прилипли к лицу, щеки были в крови и потеках пота. Человек тихо стонал от боли, морщась. Лишь когда Кун Цин склонила голову, пытаясь встретиться с ним взглядом, и увидела, как он открыл глаза, она узнала Се Юйму. Ее словно ударило током, онемение разлилось от макушки до самых пят.

— Нет, ну серьезно, обязательно было ломать именно ногу?! — пронеслось в голове у Кун Цин.
— Неужели нельзя было обойтись без этого? Он ведь даже с Лю Гэ никак не пересекался, почему с ним такое случилось? Значит, дело не в Лю Гэ, не в Ду Цяоци и не в камнях — просто сценарий обязан был сломать ему ногу!

— Хозяйка, спокойнее, сначала спасайте человека, — отозвался 5211.

Кун Цин не знала, от злости или от страха, но ее руки дрожали. Она отправила сообщение матери: Мой одноклассник попал в аварию, я поеду с ним в больницу, мы в отделении неотложной помощи.

Кун Цин, чьи ноги и так не отличались особой прытью, то переходила на бег, то снова переходила на шаг, сопровождая каталку. В приемном покое творился хаос: сюда везли всех пострадавших в этой аварии, но врачи и медсестры работали поразительно слаженно.

Се Юйму, чьи руки были покрыты ссадинами, вцепился в бортик каталки так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены. Кун Цин решительно подошла к нему. Медсестра тут же остановила ее:

— Вы родственница пострадавшего?

— Я его одноклассница, — ответила Кун Цин.

— Тогда немедленно свяжитесь с его семьей, пусть срочно приезжают.

— Хорошо, я сейчас же.

Кун Цин присмотрелась к его руке, нашла место без повреждений и коснулась его:

— Се Юйму, это я, Хэ Шици. Где твой телефон? Мне нужно позвонить твоим родителям.

Се Юйму, стиснув зубы, услышал знакомый голос. Его взгляд наконец сфокусировался на ней:

— Мой телефон разбился. Номер мамы: 150*****78.

Кун Цин, все еще дрожащими руками, набрала номер. Она продиктовала его вслух, дождалась кивка Се Юйму и нажала кнопку вызова.

Она не переставала умолять про себя, чтобы на том конце скорее ответили. Наконец:

— Алло, здравствуйте, кто это?

— Здравствуйте, тетя! Я Хэ Шици, одноклассница Се Юйму. Он попал в аварию, сейчас мы в приемном покое центральной больницы. Медсестры велели срочно связаться с родными. Как приедете, перезвоните мне, я встречу вас у входа.

Выпалив все это на одном дыхании, Кун Цин поняла, что ее голос дрожит и вот-вот сорвется на плач. На том конце провода на мгновение затаили дыхание, но ответили довольно спокойно:

— Хорошо, я поняла. Ты сейчас рядом с ним? В каком он состоянии?

— Я рядом. Кажется, у него перелом ноги, остального я не знаю. Тетя, я включу громкую связь, подождите.

Она включила громкую связь и поднесла телефон к губам Се Юйму:

— Муму, как ты?

Се Юйму разжал губы и выдавил лишь одно слово:

— Мама.

— Муму, не бойся, мама уже едет. Девочка, пожалуйста, присмотри за ним. Я за рулем, буду максимум через полчаса.

— Хорошо, тетя, не волнуйтесь.

— Мам, едь медленнее, не проезжай на красный, — добавил Се Юйму.

— Знаю, я скоро буду.

Звонок оборвался. Се Юйму сейчас выглядел таким жалким, слабым и беспомощным, что у Кун Цин сжалось сердце. Она крепко взяла его за левую руку, которая казалась неповрежденной:

— Се Юйму, не бойся, я здесь. Моя мама тоже в больнице, я ее позвала. Пожалуйста, не бойся.

Кун Цин говорила это, поджав губы, едва сдерживая слезы. Сцена выглядела так, будто они прощаются навсегда.

Одной рукой она продолжала звонить своей матери, а другой наблюдала, как медсестра ставит ему капельницу, берет кровь и подключает кардиомонитор. Затем привезли аппарат УЗИ, чтобы проверить состояние крупных артерий в конечностях. Кун Цин хотела хоть у кого-то узнать, что происходит, но здесь никому не было до нее дела.

— Хэ Шици, не бойся, я просто повредил ногу, больше ничего не задето, все в порядке.

— Ты... если тебе больно, лучше молчи. Нет-нет, тебе, наверное, нужно говорить, чтобы отвлечься? Все хорошо, я не боюсь, я буду с тобой разговаривать, — бормотала Кун Цин, сама не понимая, что несет.

Она смотрела на огромный зал неотложки, наполненный стонами раненых, и ее охватывал трепет. Впервые она видела такое, и ее страх был вполне естественен.

— Если страшно, не смотри, — Се Юйму слегка качнул ее руку.

— Я не боюсь! Я... ты не бойся. Раз врачи здесь не подходят, значит, твое состояние не критическое, правда, не критическое.

Мать Хэ пришла первой. Увидев свою дочь, которая стояла с телефоном в руках, выглядела жалко и при этом крепко держала за руку какого-то парня, она испытала весьма противоречивые чувства.

Увидев маму, Кун Цин окончательно расклеилась. Слезы хлынули градом:

— Мама, мне страшно! Я нашла его у входа. Его мама уже едет. Медсестры делают предоперационные анализы. Мама, обязательно ли согласие родственников на операцию? Ты можешь подписать, если что? Он потерял так много крови!

— Цици, не плачь, все будет хорошо. Я видела снаружи дорожную полицию. Доктор Гу сказал, что операционную уже готовят, не переживай. Если нужно будет оперировать, а его мама не успеет, позвонишь ей, она даст согласие, и я подпишу. Все будет нормально.

Мать Хэ посмотрела на дочь — ее руки и лицо были грязными, а на одежде виднелись пятна крови. Се Юйму посмотрел на Мать Хэ и хрипло произнес:

— Спасибо, тетя.

Вскоре зазвонил телефон Кун Цин: мама Се Юйму уже припарковалась у входа. Кун Цин разжала пальцы:

— Твоя мама пришла, я пойду встречу ее.

— Хорошо, — ответил Се Юйму.

Мама Се Юйму была очень похожа на сына: молодая, деловая, в строгом костюме — видимо, бросила работу и сразу примчалась сюда. Кун Цин кое-как вытерла слезы, рассказала все, что знала, и проводила женщину к сыну. Мать Хэ успокоила ее, передав слова доктора Гу: перелом правой голени, остальные травмы — поверхностные, небольшая кровопотеря. Первую помощь оказали вовремя, анализы готовы, как только операционная освободится, его заберут.

Мама Се Юйму рассыпалась в благодарностях перед Матерью Хэ, а затем подошла к сыну и погладила его по лицу:

— Все хорошо, слушайся врачей и медсестер, не бойся.

Подошла медсестра, чтобы сообщить о деталях операции, и мама Се Юйму ушла подписывать бумаги. Пришел санитар, чтобы перевезти его. Перед тем как его увезли, Кун Цин сказала:

— Я принесу тебе домой инвалидное кресло, не нужно брать в аренду в больнице. Зайду к тебе позже.

Се Юйму слегка кивнул.

Санитар, катя каталку в сторону операционной, подмигнул:

— Твоя девушка довольно миленькая. Хорошая она, бегают тут ради тебя.

— Угу.

— Значит, правда девушка? Погляжу... Се Юйму, шестнадцать лет. Ваши мамы такие прогрессивные, раз разрешают вам встречаться в таком возрасте.

— Угу.

— Перелом — это очень больно, скоро подействует наркоз, станет легче.

— Угу, — Се Юйму отвечал невпопад.

Кун Цин попрощалась с мамой Се Юйму, пообещав принести кресло. Женщина не переставала благодарить ее, называя замечательной девочкой.

Выйдя из палаты, Мать Хэ взяла Кун Цин за рукав:

— Цици, пойдем, умою тебя.

— Мама, у него нога сломана, столько крови... Мне когда-то было больно даже от трещины в кости, а он так губы закусил, что до крови, — бормотала Кун Цин, пока умывалась.

— Испугалась?

— Угу.

— Но сегодня ты вела себя просто отлично. Я тобой горжусь.

— Спасибо, мама.

Кун Цин вернулась домой, взяла инвалидное кресло и дождалась, пока помощник отвезет ее обратно в больницу. Мать Хэ, у которой были дела, сразу поехала в офис.

Когда Кун Цин нашла палату, Се Юйму уже привезли из операционной, он лежал на кровати. Помощник оставил кресло и ушел, сказав, что будет ждать в машине. Отец Се Юйму тоже был здесь, он стоял у входа и консультировался с полицейским по поводу ДТП.

Мама Се Юйму предложила Кун Цин присесть на диванчик у кровати, а сама под каким-то предлогом вышла. Кун Цин замерла в недоумении. Почему она ушла? Теперь в палате остались только она и Се Юйму, атмосфера стала странной.

Следы от зубов на губах Се Юйму уже покрылись корочкой. Кун Цин решила нарушить тишину:

— Все еще очень больно?

— Мне вкололи обезболивающее, сейчас не больно, — голос Се Юйму все еще был хриплым.

— Вот и хорошо.

Кун Цин все еще не понимала, почему его не было в школе вместе с Ван Синьтянь и остальными, поэтому спросила:

— Ребята сейчас в школе, а почему ты был за пределами кампуса?

— У меня были дела, я отпросился. Собирался на автобусе съездить к одному знакомому за материалами.

— Теперь будешь бояться ездить на автобусе? — спросила Кун Цин, сосредоточившись на своем.

— Немного, наверное, — Се Юйму старался поддерживать беседу.

— Тогда учись водить машину, через год сдашь на права.

— Угу.

— Это не мешает тебе участвовать в олимпиадах?

— Нет.

— Я завтра вернусь в школу, нужно что-то сделать для тебя?

— Нет, не стоит беспокоить тебя.

— О, ну тогда кресло я тебе одолжила, поправляйся скорее и вернешь.

— Хорошо.

— И... можно задать вопрос?

— Спрашивай.

— Я слышала... ну, просто слышала, что у тебя кто-то появился. Кто это? Я ее знаю?

Се Юйму вздохнул. Кун Цин считала, что неплохо умеет читать обстановку:

— Если не хочешь говорить, я не буду. Сяо Вэй ждет меня на парковке, я пойду. — Она поспешила ретироваться, пока «большой босс» не разозлился.

— Угу. Иди осторожнее, как доберешься до дома, напиши моей маме.

— Хорошо, договорились.

Выйдя за дверь, Кун Цин подумала: «Ох, пронесло. Ощущение, будто ходила по лезвию ножа».

— Раз так, почему не осталась подольше? Может, узнала бы ответ, — отозвался 5211.

— Ты видела, как я рисковала?

— Будь смелее, вдруг это была ты?

— Я? Если я так подумаю, это будет уже не смелость, а глупость.

Неизвестно почему, но Кун Цин показалось, что мама Се Юйму, заходя в палату, закатила глаза. Что это значит?

— Тетя, я домой, в следующий раз навещу его, — сказала Кун Цин дежурную фразу. «В следующий раз» — это, скорее всего, уже в школе.

— Хорошо, будь осторожна, как доберешься — напиши.

— Обязательно.

Мама Се Юйму вернулась в палату и посмотрела на сына:

— Ну и что мне с тобой делать? Нравится она тебе или нет? Ты же девчонку напугал, она убежала.

— Я ее не пугал, — тихо пробормотал Се Юйму.

— А чего она тогда сбежала? Даже толком не посидела. — Она подняла изголовье кровати, выдвинула столик и открыла термос. — Бульон почти остыл, пей.

— Угу.

— Говорят, у тебя кто-то есть. Кто это? Я ее знаю? — мама Се Юйму передразнила интонацию Кун Цин.

— Мам! — Се Юйму попытался ее остановить.

— Какой же ты упрямый. Не понимаю, что у тебя в голове? С такой холодностью... будь я на ее месте, тоже бы сбежала. Она такая милая, добрая, характер чудесный. Если бы не она, с твоими травмами — кто знает, сколько бы ты там пролежал, пока кто-нибудь не вызвал скорую.

— Мам!

— Ой, ладно, молчу.

— Угу.

— Точно не нравится?

— ...

— Тогда я познакомлю ее с твоим двоюродным братом. У него тоже неплохие оценки, хотя специальность и узкая, но все же — учится в Цзинбэй.

— Нет. Ранняя любовь мешает учебе.

— Ой, мешает учебе! Ладно, как выпишут, пригласим ее на ужин.

— Хорошо.

Когда Кун Цин вернулась домой, Мать Хэ тоже только что пришла с работы.

— О, как раз вовремя. Ну, рассказывай про своего маленького кавалера.

— ??? Кого? — Кун Цин была в шоке, мозг отказывался работать.

— Ну, того, из больницы! — Мать Хэ налила два стакана воды и присела, приготовившись слушать.

Кун Цин не понимала логику матери. Это что, я сама такая консервативная? Думала, родители против подростковой любви.

— Это не то, что вы думаете.

— Еще не добились своего? Вы же вроде уже год как... — Мать Хэ выглядела разочарованной.

— Мама, откуда ты знаешь?! — испугалась Кун Цин.

— Это неважно. Но я вижу, что он к тебе равнодушен, как можно было не добиться успеха?

— Мать Хэ знала дочь: проблема была в ней. — Ты, наверное, кроме покупки завтраков, написания писем и публичных заявлений о любви, больше с ним ни о чем не говорила?

Кун Цин вспомнила — кажется, так оно и было. Она кивнула.

— Дело раскрыто. Так ты никого не добьешься.

— А?

— Фанатство и отношения — это две большие разницы. Понимаешь?

— А, да, понимаю.

— Но сегодня ты молодец. Помогла в трудную минуту, за руку подержала.

— Я не...

— Ты в последнее время так старательно учишься, часто подходила к нему с вопросами?

— Нет.

— Боялась, что учителя вас разлучат? Ваш Учитель Фан, конечно, немного странный, но

Учитель Чжао точно не такой.

— А?

— Смотри, ради него ты становишься лучше — это хорошо. Но до совершеннолетия — никаких ночевок вне дома, мама против! — строго добавила она.

— Мама, у меня ничего не было, я вообще больше за ним не бегаю!

— А тогда почему ты так испугалась, когда он пострадал? — Мать Хэ посмотрела на нее с выражением «ты правда думаешь, что я поверю?».

— Ну... он красивый, учится хорошо, это как фанатеть от кумира.

— Ну, у кумиров тоже есть фанатки, которые называют их «парнями» и «мужьями». Ладно, раз вы оба ничего не планируете, пусть все идет своим чередом.

— Мама, ты даже не попытаешься помешать?

— Ты же не с каким-то хулиганом связалась, чего мне мешать? Но если что-то случится — не смей скрывать от мамы, поняла?

— Поняла.

— Все, иди делай уроки.

Кун Цин чувствовала глубокое бессилие. Получается, оригинал действительно осталась одинокой по собственной «воле». Посмотрите на всех этих людей вокруг, которые пытаются вас свести, — во всем мире только Учитель Фан мешает «ранней любви».

<http://bllate.org/book/19938/1962547>